

Петербургские
ЕЛЕНА
ПЕРВУШИНА
Женщины
XVIII века

Елена Первушина

**Петербургские
женщины XVIII века**

«Центрполиграф»

2012

Первушина Е. В.

Петербургские женщины XVIII века / Е. В. Первушина —
«Центрполиграф», 2012

Жизнь женщин XVIII века была трудной, противоречивой и волнующей. Кто может рассказать о времени и о себе лучше, чем очевидцы – люди, жившие в ту эпоху. Поэтому в книге вы встретите множество цитат из мемуаров и литературных произведений XVIII века. Мемуаристы порой противоречат друг другу, по-разному смотрят на одних и тех же людей, на одни и те же события и не всегда точны в описании фактов. Но именно это делает их тексты живыми свидетельствами эпохи, со всеми ее тайнами, противоречиями, умолчаниями, а порой и фальсификациями и откровенной ложью. Конечно, эту тему не исчерпаешь одной книгой. И день, когда количество трудов, посвященных истории женщин, сравнится с количеством трудов, описывающих историю мужчин, еще очень далек. И все же, прочитав эту книгу до конца, вы будете знать немного больше о том, что это значило: быть женщиной в Петербурге XVIII века.

© Первушина Е. В., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Женский мир	6
Семья Петра I	7
Московские царицы	9
Софья-правительница	11
Московские царевны	14
Катеринушка – солдатская женка	20
Путешествие в парадиз	23
Семейная жизнь Алексея	27
Семейная жизнь Петра	31
Женщины при дворе	34
Галантное ухаживание: литературные образцы	35
Ассамблеи	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Владимировна Первушина Петербургские женщины XVIII века

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей – сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! – Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..

1914 г. Марина Цветаева

Женский мир

Юрий Лотман в своей знаменитой книге «Беседы о русской культуре» пишет: «Мы уже говорили о том, как менялся, развивался и складывался нравственный облик человека XVIII – начала XIX века. Но при этом, хотя мы все время говорили „человек“, речь шла о мужчинах. Между тем женщина этой поры не только была включена, подобно мужчине, в поток бурно изменяющейся жизни, но начинала играть в ней все большую и большую роль... Женское влияние редко рассматривается как самостоятельная историческая проблема. Разумеется, женский мир сильно отличался от мужского. Прежде всего тем, что он был выключен из сферы государственной службы. В Табели о рангах было специально и подробно оговорено, что женщины имеют права, связанные с чином их отцов (до замужества) и мужей (в браке). Позже эти бюрократические ранги все более разрастались. При Анне и при Елизавете было установлено, дамы какого класса имеют право носить золотое шитье на платьях, а какого серебряное, какова должна быть ширина кружев и т. д.

Появилось выражение „дама такого-то класса“. Позже Вяземский записал в дневнике слова иностранца, который с изумлением говорил, что в Петербурге на Васильевском острове на Седьмой линии он любил даму XII класса. Итак, чин женщины, если она не была придворной, определялся чином ее мужа или отца».

И в самом деле, историкам, как правило, нужно сделать сознательное усилие, чтобы обратить внимание на женщин, живших в ту или иную историческую эпоху. Буквально до XX века у женщин было мало шансов появиться на исторической сцене. Они не состояли на государственной службе, не служили в армии, не отправлялись в исследовательские экспедиции, не занимались наукой. Их не видели, о них не помнили. Разве что историки вспоминали имена властительниц, волею судьбы вззошедших на трон, или их ближайших спутниц и подруг. Да еще рисовали образы идеальных жен и матерей: кротких, всепрощающих помощниц мужчин, нежных цветков, расцветавших под мужским покровительством.

«Вообще женское развитие – тайна; все ничего, наряды да танцы, шаловливое злословие и чтение романов, глазки и слезы – и вдруг является гигантская воля, зрелая мысль, колоссальный ум», – пишет А.И. Герцен. Но не потому ли женское развитие происходит в тайне, что мужчины зачастую ничем ему не помогают, а то и препятствуют? Не они ли не дают женскому уму иной пищи, кроме «нарядов, танцев и злословия». Не оттого ли, «гигантская воля, зрелая мысль, колоссальный ум» являются «вдруг», что женщина сама, незаметно для мужчины, а то и сознательно скрываясь от него, нашла средства для этого развития?

Разумеется, образ «мудрой хранительницы домашнего очага», нарисованный мужским воображением, был неправдой, точнее не всей правдой. Женская жизнь в XVIII веке была не менее трудной, противоречивой, волнующей, чем мужская.

Кто может рассказать «о времени и о себе» лучше, чем очевидцы – люди, жившие в ту эпоху. Поэтому в книге вы встретите множество цитат из мемуаров и литературных произведений XVIII века. И если будете внимательны, то заметите, что мемуаристы порой противоречат друг другу, по-разному смотрят на одних и тех же людей, на одни и те же события и не всегда точны в описании фактов. Но именно это делает их тексты живыми свидетельствами эпохи, со всеми ее тайнами, противоречиями, умолчаниями, а порой и фальсификациями и откровенной ложью.

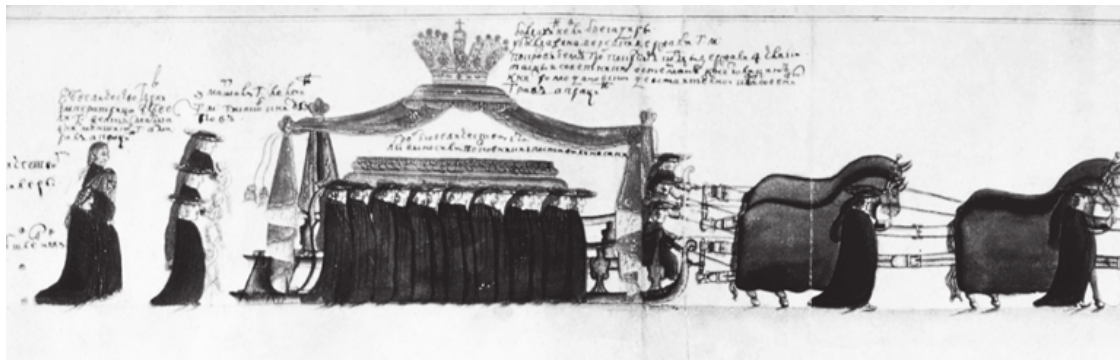
Конечно, эту тему не исчерпаешь одной книгой. И день, когда количество трудов, посвященных истории женщин, сравнится с количеством трудов, описывающих историю мужчин, еще очень далек. И все же, прочитав эту книгу до конца, вы будете знать немного больше о том, что это значило: быть женщиной в Петербурге XVIII века.

Семья Петра I

Основатель Петербурга, император и самодержец Всероссийский Петр I Романов, скончался 28 января (8 февраля) 1725 года от тяжелой простуды, осложнившейся почечно-каменной болезнью и уремией. Он простудился во время морского путешествия, когда по пояс в холодной воде спасал севший на мель возле Лахты бот с солдатами.

Похороны первого в государстве лица – это политическое мероприятие, оно проводится по строгому церемониалу. Еще 27 января (7 февраля), когда Петр находился на смертном одре, были амнистированы все осужденные на смерть или каторгу (исключая убийц и уличенных в неоднократном разбое). Весь февраль и первые десять дней марта гроб с телом Петра стоял в большом зале дома Апраксина по соседству с Зимним домом, где император провел последние дни (в самом Зимнем доме не было достаточно большого зала, который вместил бы толпу петербуржцев, пришедших попрощаться со своим повелителем). А 10 марта 1725 года его перенесли в еще недостроенный и не освященный Петропавловский собор. Для погребения императора в сердце Петербурга – Петропавловском соборе соорудили небольшую деревянную церковь, так как еще продолжали оформление храма. В ней разместили под балдахином катафалк с гробом императора и гробом его дочери Натальи, умершей 4 марта.

Друг и сподвижник Петра, вице-председатель Священного Синода, знаменитый просветитель и философ Иоанн Прокопович произнес на его похоронах речь, а позже составил документ, озаглавленный «Краткая повесть о смерти Петра Великого». Описывая катафалк, на котором везли царя, Прокопович отмечает: «За гробом императорским следовала плачущая государыня, ея императорское величество, в печальном платье, с закрытым лицом черною материею, весьма изнемогающая от печали и болезни. При ея величестве ассистенты были два из сенаторов первейшие. Высокая же ея величества фамилия подобным образом, в таком же платье, за ея величеством следовала таковым порядком: в первом месте по августейшей матери шла дочь ея величества, государыня цесаревна Анна; во втором другая дочь, государыня цесаревна Елисавет; в третьем ея императорского величества племянница, государыня царевна Екатерина, герцогиня Мекленбургская; в четвертом другая ея величества племянница, государыня царевна Параскевия (сестра их высочеств царевна Анна, герцогиня Курляндская, в Санкт-Петербурге не была в то время); в пятом месте шла Мария, в шестом сестра ея Анна, Нарышкины девицы; в седьмом шел его королевское высочество Кароль герцог Голштинский, в то время жених государыни Анны цесаревны; в осьмом его высочество Петр, великий князь; по нем шли господа Александр и Иоанн Нарышкины, а великая княжна Наталия Алексеевна за приключившейся немощию не присутствовала. По сих следовали сенаторские, княжеские, графские и баронские жены, а также и прочие шляхетства знатнейшего и долгую процессии часть составили».

Печальная процессия Петра I. Фрагмент

Вероятно, у читателя (если он, конечно, не профессиональный историк) сразу возникнет вопрос: кто все эти женщины? Нам привычно видеть Петра в мужской компании: вот он в плотницкой рубахе курит трубку и пьет пиво в компании голландских шкиперов, вот в мундире бомбардира развлекается с другими офицерами, вот:

<...>
он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны;
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

1828–1829 гг. А.С. Пушкин

И все же за гробом царя идут не «птенцы гнезда Петрова», а его семья – шесть женщин. Седьмая горюет дома. Гроб восьмой – дочери Натальи, умершей незадолго до Петра, – едет на том же катафалке. Еще пятеро: царевны Екатерина, Наталья и Маргарита, царица Марфа, вдова царя Федора Алексеевича, и принцесса Шарлотта-Христиана София, супруга царевича Алексея, уже похоронены в Петропавловском соборе. И с тем, кем были эти женщины, какую роль сыграли они в жизни Петра и в истории России, нам и предстоит разобраться в этой главе.

Московские царицы

Для начала вернемся из Петербурга в Москву, из века XVIII в век XVII.

3 марта 1669 при родах умерла Мария Ильинична Милославская, супруга царя Алексея Михайловича. О жизни Марии Ильиничны самым красноречивым образом свидетельствуют несколько цифр: она вышла замуж 24 лет от роду, прожила в браке 21 год и родила 13 детей, из которых ее пережили три сына: Федор, Иоанн и Алексей (умер в январе 1670 г.), и четыре дочери: Марфа, Софья, Екатерина, Мария и Феодосия (пятая дочь – тринадцатый ребенок – маленькая царевна Евдокия – также умерла сразу после рождения). Современники отмечают, что царица «отличалась кротким, добрым нравом и скромностью», что не удивительно, вряд ли у вечно беременной женщины находилось время и силы на политические интриги.

Тишайший Алексей Михайлович вдовел два года, а засим снова женился на девятнадцатилетней Наталье Кирилловне Нарышкиной, бывшей воспитанницей друга царя, боярина Артамона Матвеева, большого любителя наук, обставившего и содержавшего свой дом на западный манер. Матвеев женился на шотландке Марии Гамильтон, дочери роялиста, покинувшего Британию после казни короля Карла Первого. Мария была настоящей светской дамой, умеющей бывать в обществе и вести просвещенные беседы с гостями мужа. В том же духе она воспитывала свою приемную дочь.

Вероятно, Алексей Михайлович не смог устоять против столь редкого на Руси удовольствия: беседы с умной изящной девушкой, державшейся одновременно скромно и непринужденно. Он выбрал ее себе в жены из семидесяти невест, прибывших по традиции на царские смотрины.

«Нынешняя царица Наталья, – пишет прибалтийский путешественник Рейтенфельс, – хотя отечественные обычаи сохраняет ненарушимо, однако ж, будучи одарена сильным умом и характером возвышенным, не стесняет себя мелочами и ведет жизнь несколько свободнее и веселее. Мы два раза видели ее, когда она была еще девицею. Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навывкате, лицо имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах тела изящную соразмерность, голос звонкий и приятный, манеры самые грациозные».

Как пример вольнодумства юной царицы Рейтенфельс приводит такой случай: «Русские так привыкли к скромному образу жизни своих государынь, что когда нынешняя царица (Наталья Кирилловна Нарышкина), проезжая первый раз посреди народа, только открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смелому поступку. Впрочем, когда ей объяснили это, она с примерным благоразумием охотно уступила мнению народа, освященному древностью». Однако известно, что Наталья 15 Кирилловна еще не однажды выезжала в открытом экипаже вместе с Алексеем Михайловичем в подмосковные дворцы. Ей удалось склонить царя к этому маленькому нарушению древних обычаев. Возможно потому, что демонстрация красавицы-жены льстила его самолюбию.

Для любимой жены царь устроил в своей главной резиденции, подмосковном селе Преображенском европейское развлечение – театр. Автором пьесы и режиссером стал проживавший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал более шестидесяти подростков – детей служилых и торговых иноземцев – и обучил их театральной науке.

Пьеса «Эсфирь или Артаксерксово действо» была рассчитана на десять часов игры, но царь смотрел все, не сходя с места. И не мудрено – некоторые монологи пьесы звучали, как страстное признание в любви Наталье, которое в реальной жизни было неуместно для его царственной особы:

О живота моего утешение

И сердца моего усложнение!
Скорь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъяснити,
Како ты души моего сердца имам любить!

1672 г.

В следующем, 1673 году Грегори поставил второй спектакль. Тоже на библейский сюжет: «Комедия из книги Иудифь или Олоферново действо». Под его легким пером история суровой патриотки Юдифи, казнившей вражеского полководца Олоферна, превратилась также в историю любви. Олоферн говорил Юдифи: «Не зрише ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу. Хощу же говорить, но языком больши прорещи не могу. Хощу, хощу, но не могу же, не тако от вина, яко от силы красоты твоя низпадаю!»

Наталья родила царю сына Петра (30 мая 1672 г.) и двух дочерей – Феодору (1673 г.) и Наталью (1674 г.). Феодора прожила недолго, а Петр и Наталья выросли вместе и крепко сдружились, что оказалось весьма кстати, так как детство им выпало нерадостное. В 1676 году Алексей Михайлович умер, и на престол вступил четырнадцатилетний царевич Федор, сын Марии Милославской. Разумеется, при дворе сразу же сформировались две партии – одна поддерживала Милославских, вторая Нарышкиных. Наталья Кирилловна с детьми жила в Преображенском и не показывалась в Москве.

Софья-правительница

Царь Федор правил семь лет и показал себя рассудительным и деятельным юношей, подающим большие надежды, которым, однако, не суждено было воплотиться в реальность. После его смерти партия Нарышкиных на некоторое время взяла верх, им удалось провозгласить следующим царем юного Петра. Но Милославские, видя, что власть уходит у них из рук, подняли стрельцов на бунт. Многие Нарышкины были убиты. Стрельцы ворвались и в царские покои. Царица Наталья еле успела спрятать в церкви сына Петра и пасынка, 14-летнего Ивана, но там их настигли двое стрельцов с ножами. Кто-то крикнул, что у алтаря кровь проливать нельзя, убийцы замешкались, поссорились, и царица смогла спрятать царевичей в задних комнатах дворца.

А.П. Антропов. Портрет царицы Софьи. 1772 г.

В конце концов был найден компромисс, хотя бы на словах примирявший обе враждующие партии. Царями были провозглашены сыновья покойного государя от обоих браков – Иван («старший» царь) и Петр («младший»). Регентшей же стала царевна Софья. Равновесие, однако, было неустойчивым: Наталья Кирилловна понимала, как выгодна была бы сторонникам Софьи смерть малолетних соправителей, и берегла их пуще собственного глаза. Не случайно ее политические противники прозвали царицу «медведицей». Софья оказалась не только ловким политиком, умело соблюдающим баланс между различными партиями, но и талантливым экономистом. Осенью того же 1682 года в Москве вспыхнул новый бунт – на этот раз недовольство высказывали старообрядцы. Им удалось снова возмутить стрельцов. Царскую семью и двор уведомили, что если кто-то из них заступится за церковные власти, то всем, начиная с юных царей, «от народа не быть живым». Софья усмирила бунт раскольников, действуя то хитростью, то силой. Она смело назначила «прение о вере» в Грановитой палате и там, втянув предводителей раскольников в яростный спор, продемонстрировала выборным стрельцам, что их новые лидеры просто смутьяны и скандалисты. Прения затянулись до вечера, а ночью раскольники, у которых почти не осталось сторонников, были схвачены и вскоре казнены.

При Софье в России были утверждены единые стандарты мер и весов (1686 г.) и государственный тариф на ямские перевозки (1688 г.). Софья и ее сподвижники – Василий Голицын и Федор Шакловитый – совершенствовали систему законов по защите имущества подданных. Возглавляемый Голицыным Посольский приказ заключил выгодные договоры с Данией и Швецией, укрепил связи России с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Священной Римской империей, папским престолом, мелкими государствами Германии и Италии. Русские войска вели битвы с турками в Крыму и на Азове.

Но цари-наследники подрастали. Софья отдавала предпочтение своему родному брату Ивану Алексеевичу. В году она женила его на первой красавице двора Прасковье Федоровне Салтыковой, надеясь закрепить власть Милославских рождением наследника. Однако у царя Ивана и Прасковьи рождались только девочки. Старшие Мария и Феодосия умерли в младенчестве, а младшие Анна, Екатерина и Прасковья – это те самые «его величества племянницы», которые в 1725 году пойдут за гробом Петра следом за его дочерьми.

Наталья Кирилловна поспешила выбрать невесту и для Петра. Ею стала Евдокия Федоровна Лопухина. Свадьбу сыграли в феврале 1689 года.

«Род же их, Лопухиных, был из шляхетства среднего, токмо на площади знатного, для того, что в делах непрестанно обращались по своей квалиты знатных, а особливо по старому обыкновению были причтены за умных людей их роду, понеже были знающие в приказных делах, или, просто назвать, ябедники, – пишет князь Борис Куракин в своем сочинении „Гистория о царе Петре Алексеевиче“. – Род же их был весьма людный, так что чрез ту притчину супружества, ко двору царского величества было введено мужеского полу и женского более тридцати персон. И так оный род с начала самого своего времени так несчастлив, что того ж часу все возненавидели и почали рассуждать, что ежели придут в милость, то всех погубят и всем государством завладеют. И, коротко сказать, от всех были возненавидимы, и все им зла искали или опасность от них имели.

О характере принципиальных их персон описать, что были люди злые, скупые, ябедники, умом самые низкие и не знающие нимало во обхождении дворовом, ниже политики б оный знали»...

Евдокия Лопухина

Молодая царица вскоре забеременела, и Петр, вероятно, не желая играть с судьбой в чет-нечет, решил взять власть в свои руки. В Троице-Сергиевом монастыре было собрано тайное ополчение, к которому присоединились солдаты и стрельцы. На сторону Петра перешел царь Иван. Молодые цари свергли свою регентшу и заточили ее в Новодевичий монастырь, а ее приближенных казнили. В 1690 году у Петра и Евдокии родился сын – царевич Алексей, что давало младшему брату политическое преимущество перед старшим. Впрочем, пока он увлечен своими потешными полками и военными учениями и проявляет мало интереса к политике.

Историк С.М. Соловьев писал: «Семнадцатилетний Петр был еще не способен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился позже, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел».

Московские царевны

Следующие несколько лет современники называли иногда «правлением царицы Натальи Кирилловны». Впрочем, тут же оговариваются, что новая правительница была ни мало не похожа на предыдущую.

«Сия принцесса доброго темпераменту, добродетельного, только не была ни прилежная, ни искусная в делах, и ума легкого. Того ради вручила правление всего государства брату своему, боярину Льву Нарышкину и другими министрам», – пишет Борис Куракин.

Юной Наталье Алексеевне, по-прежнему жившей в Преображенском, вероятно, не хватало компании брата, когда у него появились свои, мальчишеские забавы, в которых она, как девочка, не могла принимать участия, поскольку в то время это считалось неуместным. Совсем одиноко ей стало, когда в 1694 году умерла Наталья Кирилловна, а в 1697 году Петр уехал с посольством за границу.

И.Н. Никитин. Портрет царевны Натальи Алексеевны. Начало XVIII в.

В 1698 года у Натальи Алексеевны к тому времени появился приемный сын – в 1698 году Петр заставил Евдокию Лопухину принять постриг, а образование и воспитание малолетнего царевичем поручил сестре.

Двумя годами раньше умер «старший царь» Иван Алексеевич, и его вдова Прасковья Федоровна вместе с тремя выжившими дочерьми – Анной, Екатериной и Прасковьей соответственно четырех, трех и двух лет от роду – поступила под опеку Петра. Им был отведен Измайловский дворец. Тихая и скромная вдовая царица была, вероятно, хорошим психологом и дипломатом – она быстро сдружилась с молодым царем и его сестрой. Кроме того, при посредстве браков своих дядей, а также родного и двоюродных братьев. Прасковья была в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими, поэтому обладала определенным политическим влиянием. В 1698 году вдовой царице нанес визит посол императора римского. Благодаря этому визиту мы можем получить представление о том, как текла жизнь в Измайлове, когда там гостили обитатели Преображенского.

И.Н. Никитин. Портрет царевны Прасковьи Ивановны. 1714 г.

«За послом, – пишет секретарь Корб, – следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов».

«Царевых племянниц» учили немецкому и французскому языку и танцам – вероятно, с прицелом на браки с иностранными правителями. Но царевны в иноземных науках так и не преуспели. Однако от своих планов Петр не отказался – неслучайно голландский живописец Корнелиус де Бруин, присланный Петром в Измайлово, в 1703 году пишет портреты царицы и царевен в европейских платьях.

«Поговорив со мною часа с два, его величество, приказавший во все это время угощать меня разными напитками, оставил меня, и князь Александр подошел ко мне, – пишет де Бруин в своих мемуарах „Путешествие в Московию“. – Он сказал мне, что царь, узнав, что я искусен в живописи, пожелал, чтобы я снял портреты с трех юных малых княжон, дочерей брата его, царя Ивана Алексеевича, царствовавшего вместе с ним до кончины своей, последовавшей 29 января 1696 года. Это, собственно, и было главным поводом, прибавил он, для чего я приглашаюсь теперь ко двору. Я с удовольствием принял такую честь и отправился с сим вельможей к царице, матери их, в один потешный дворец его величества, называемый Измайловым, лежащий в одном часу от Москвы, с намерением прежде увидеть княжон, чем начать уже мою работу. Когда я приблизился к царице, она спросила меня, знаю ли я по-русски, на что князь Александр ответил за меня отрицательно и несколько времени продолжал разговаривать с нею. Потом царица приказала наполнить небольшую чарку водкой, которую она и поднесла собственноручно князю, и князь, выпив, отдал чарку одной из находившихся здесь придворных девиц, которая снова наполнила чарку, и царица точно таким же образом подала ее мне, и я, в свой черед, опорожнил ее. Она попотчевала также нас и по рюмке вином, что сделали и три молодые княжны. Затем был налит большой стакан пива, который царица опять собственноручно подала князю Александру, и этот, отпивши немного, отдал стакан придворной девице. То же повторилось и со мною, и я только поднес стакан ко рту, потому что при дворе этом считают неприличным выпивать до дна последний подносимый стакан пива. После этого я переговорил насчет портретов с князем Александром, который довольно хорошо понимал по-голландски, и когда мы уже собирались уходить, царица и три ее дочери-княжны дали нам поцеловать правые свои руки. Это самая великая честь, какую только можно получить здесь».

Он оставил описание царицы и ее дочерей: «В это время я получил дозволение взять к себе на дом портреты молодых княжон, нарисованных мною в рост, для окончания. Царь приказывал мне несколько раз кончить их поскорее, потому что он должен был отослать куда-то эти портреты, но куда именно, я не знал. Я исполнил это приказание с возможной поспешностью, представив княжон в немецких платьях, в которых они обыкновенно являлись в общество, но прическу я дал им античную, что было предоставлено на мое усмотрение.

Портрет царицы Прасковьи Федоровны. Начало XVIII в.

Перехожу теперь к изображению царицы, или императрицы, Прасковьи Федоровны. Она была довольно дородна, что, впрочем, нисколько не безобразило ее, потому что она имела очень стройный стан. Можно даже сказать, что она была красива, добродушна от природы и обращения чрезвычайно привлекательного. Ей около тридцати лет. По всему этому ее очень уважает его величество царевич Алексей Петрович, часто посещает ее и трех молодых княжон, дочерей ее, из коих старшая, Екатерина Ивановна, – двенадцати лет, вторая, Анна Ивановна, – десяти и младшая, Прасковья Ивановна, – восьми лет. Все они прекрасно сложены. Средняя белокура, имеет цвет лица чрезвычайно нежный и белый, остальные две – красивые смуглянки. Младшая отличалась особенною природною живостью, а все три вообще обходительностью и приветливостью очаровательною. Любезности, которые оказывали мне при этом дворе в продолжение всего времени, когда я работал там портреты, были необыкновенны. Каждое утро меня непременно угощали разными напитками и другими освежительными, часто

также оставляли обедать, причем всегда подавалась и говядина, и рыба, несмотря на то что это было в великий пост, – внимательность, которой я изумлялся. В продолжение дня подавалось мне вдоволь вино и пиво. Одним словом, я не думаю, чтобы на свете был другой такой двор, как этот, в котором бы с частным человеком обращались с такой благосклонностью, о которой на всю жизнь мою сохраню я глубокую признательность».

Петру не слишком нравился традиционный русский уклад Измайлова, где собиралось множество богомольцев, гадалок, странников и странниц выдающий себя за «святых людей». Петр звал эти сборища «госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». Но, тем не менее, он никогда не заставлял Прасковью перенять европейские манеры, и, по свидетельству современников, «советы и просьбы ее никогда не презирал».

В 1702 году Петр праздновал в Измайлове победу над шведами, царица Прасковья принимала у себя не только Петра и его сподвижников, но и иностранных дипломатов с женами.

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья задумала новый проект. Вероятно, в детстве она не раз слышала от матери о необыкновенном развлечении, которым тешил ее царь-батюшка. И сейчас царская сестра решила организовать свой театр. Петр поддержал их, приказав передать Наталье «комедиальное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенных несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами были приближенные и слуги. В репертуаре были инсценировки житий святых и пьесы на сюжет переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обитатели Измайлова.

Катеринушка – солдатская женка

В 1705 году размеренную жизнь подмосковных затворниц нарушило событие, наверняка породившее много сплетен и кривотолков. Датский посланник Юст Юль, путешествовавший в это время с двором Петра, так описывает случившееся: «Я ездил в Измайлово – двор в 3-х верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми-царевнами. Поехал я к ним на поклон. При этом случае царевны рассказали мне следующее. Вечером, незадолго перед своим отъездом, царь позвал их, царицу и сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее время, сказал царь, они должны считать ее законной его женой и русской царицей. Так как сейчас, ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию, он обвенчаться с ней не может, то увозит ее с собой, чтобы совершить это при случае, в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет на ней жениться, то все же после смерти они должны будут смотреть на нее как на законную его супругу».

Эта женщина появляется в русской истории как бы ниоткуда, ее прошлое темно и по большей части состоит из легенд. Одну из них, пожалуй, наиболее распространенную, приводит Юст Юль в своих записках: «Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею.

Родилась она от родителей весьма низкого состояния, в Лифляндии, в маленьком городке Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у местного суперинтенданта Глюка и во время своего нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером. Свадьба их совершилась 14 июля 1704 года, как раз в тот день, как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город и несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, Екатерина в полном подвенечном уборе попала на глаза одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей – вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь, однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо, хотя в армии увод силою жителей – дело обычное, тем не менее он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому, чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему девушку. Капитан принял ее с большою благодарностью, но в свою очередь захотел воспользоваться ее красотой, чтобы попасть в милость и стать угодным при дворе и привел ее к царю, как к любителю женщин в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший чин. Царю девушка понравилась с первого взгляда, и через несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницей. Впрочем, сначала она была у него в пренебрежении и лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер, тем не менее Екатерина продолжала пользоваться большим уважением и быть в чести у царя. Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру. Первоначально она принадлежала к лютеранскому исповеданию, но, будучи почти ребенком и потому мало знакомая с христианской верою и со своим исповеданием, она переменила веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери, обе они и теперь живы... Настоящего ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, продолжая состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии.

Этот рассказ о Екатерине передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями ее истории».

Другие рассказчики отрицают, что Екатерина была обвенчана, или называют в качестве ее мужа других людей; говорят, что ее захватили при штурме Мариенбурга, а не Дерпта, спорят, была ли она по национальности шведкой, литовкой или белоруской. Но бесспорно одно: это история Золушки, поднявшейся из служанок и «портомой» (прачек) на трон. И, вероятно, эта Золушка любила своего принца, несмотря на его грубость, безудержную гневливость, истерические приступы и неспособность (а скорее – нежелание) хранить верность. «Только такая круглая сирота-иноземка, как Екатерина, бывшая служанка, потом жалкая пленница, обязанная по своему званию безропотно повиноваться всякому господину, имевшему право, как вещь, передать ее другому, – только такая женщина и годилась быть женою человека, который, не обращая ни на кого внимания, считал себе дозволенным делать все, что ему ни придет в голову, и развлекаться всем, к чему ни повлекла бы его необузданная чувственность», – пишет историк.

Ж.-М. Натье. Портрет императрицы Екатерины I. 1717 г.

Решив превратить свою Катеринушку («Катеринушка, друг мой сердешинькой!» – так он обращался к ней в письмах) из «метрессы» (фаворитки) в законную супругу, Петр поручил ее заботам Натальи Алексеевны, чтобы та обучила девушку русскому языку и обычаям страны. В доме Натальи Алексеевны Екатерина и была крещена в православие.

Однако много времени на уроки Петр своей будущей жене не дал. В военных походах и деловых поездках он постоянно скучал по ней и при любом удобном случае требовал ее к себе, предостерегая, однако, от опасностей в пути. В 1712 году он писал: «Я еще отсель (из Грейхвальде) ехать скоро себе к вам не чаю; и ежели лошади твои пришли, то поезжай с теми тремя батальоны, которым велено итить в Анклам, только для Бога бережно поезжай и от баталионов ни на сто сажень не отъезжай, ибо неприятельских судов зело много в Гафе и непрестанно выходят большим числом, а вам тех лесов миновать нельзя». В 1718 году: «Объявляю тебе, чтоб ты тою дорогою, которою я из Новгорода ехал, отнюдь не ездила, понеже лед худ и мы гораздо с нуждою проехали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писал, двадцать верст отъехав от Новгорода, к коменданту, чтоб тебе велел подводы ставить старою дорогою». В 1723 посылал из Петербурга такую весточку: «Без вас очень скучно. Дорога перспективная очень худа, а особливо чрез мосты высокие, которые чрез реки многие не крепки; того ради, лучше чтоб пешком перешла или в одноколке переехала».

И Екатерина отправлялась в путь при любой погоде и по любому бездорожью. К счастью, она обладала отменным здоровьем и, по всей видимости, переносила эти путешествия без особых затруднений. Жизнь в походных палатках также не представлялась ей чем-то из ряда вон выходящим.

В Прутском походе 1711 года, когда русские войска были окружены, она спасла государя и армию, отдав турецкому визирю свои драгоценности и склонив его к подписанию перемирия. В благодарность за это Петр учредил орден Св. Екатерины и наградил им жену в день ее именин. Во время Персидского похода Русской армии 1722–1723 годов Екатерина обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Вместе с государем она делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением.

Меж тем именитым москвичкам также предстояло дальнейшее путешествие.

Путешествие в парадиз

В 1706 году Петр издал указ, согласно которому знатым московским людям надлежало переселиться в новую столицу. И одними из первых этот указ исполнили члены его собственной семьи. 22 марта 1708 года отправился в путь целый караван колымаг, повозок и подвод. Кроме царевны Натальи Алексеевны и царицы Прасковьи с дочерьми ехали царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, единокровные сестры Петра – царевны Марья и Феодосия, князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество именитейших сановников.

Путешествовали в каретах, которые представляли собой крытый кузов, подвешенный на ремнях или цепях, прикрепленных к высоким подставкам, покоившихся на передней и задней осях четырехколесного основания. В каждую карету было впряжено несколько лошадей – от двух у простых путешественников, до двенадцати у особ царской крови. Кучер сидел верхом, на одной из лошадей. В таких экипажах было удобно путешествовать по хорошим дорогам, но по бездорожью езда была очень тряской.

Кроме того, лошадей часто приходилось кормить и менять, также и люди нуждались в пище и отдыхе. Поэтому «караван» двигался медленно.

Неизв. худ. Портрет царицы Марфы Матвеевны. Конец XVII в.

По суше путешественницы добрались до Шлиссельбурга – бывшей шведской крепости Нотебург. Здесь ожидал их Петр.

«Государь не токмо что сам страстную охоту к водяному плаванию имел, но желал также приучить и фамилию свою, – пишет царев токарь Андрей Нартов. – Сего ради в 1708 году прибывших из Москвы в Шлиссельбург цариц и царевен встретил на буерах, на которых оттуда в новую свою столицу и приплыл. И когда адмирал Апраксин, верстах в четырех от Петербурга, на яхте с пушечною пальбою их принял, Петр Великий в присутствии их ему говорил: „Я приучаю семейство мое к воде, чтоб не боялись впредь моря и чтоб понравилось им положение Петербурга, который окружен водами. Кто хочет жить со мною, тот должен часто бывать на море“».

Его величество подлинно сие чинил и многократно в Петергоф, Кронштадт и Кроншлот с царскою фамилиею по морю ездая, для чего и приказал для них сделать короткие бостроки

(безрукавки. – *Е. П.*), юбки и шляпы по голландскому манеру. Прибывшие из Москвы и в вышепоказанном плавании находившиеся были: царица Прасковья Феодоровна, супруга царя Иоанна Алексеевича, и дочери его – царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, царевны же Наталья, Мария и Феодосия Алексеевны».

Вероятно, царицы и царевны впервые оказались в морском плавании, впрочем, оно протекало благополучно. А вот новая столица, уже прозванная «парадизом», то есть раем, встретила их неласково.

Маленький домик Петра I на Петербургской стороне, разумеется, не мог вместить царственных особ вместе со всей их свитой, поэтому их поместили в доме губернатора. Цариц и царевен встречали праздничным салютом, потом начался пир.

Затем, далеко за полночь, утомленные гости уснули. В десятом часу утра их разбудил крик: «Пожар, пожар!» Вероятно, кто-то из пьяных гуляк, засидевшихся вчера за столом, ненароком поджег дом. Все люди спаслись; но большая часть верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками.

Стало ясно, что нужно обзаводиться собственным хозяйством.

Петр I отдал распоряжения о строительстве домов и повез семейство знакомиться с окрестностями города. Первым делом съездили в Кронштадт, полюбовались на строящиеся форты и верфи, затем выехали в Нарву, осмотрев по пути Копорье и Ямбург. В Нарве отпраздновали день ангела государя молебнами, пушечным салютом, фейерверками и снова торжественным обедом. Затем государь поехал далее, навстречу Полтавской битве, а женщины вернулись в Петербург.

Прасковья с дочерьми поселилась на Петербургской стороне, где в то время располагалась гавань, в которой теснились сотни кораблей из Ладogi, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами. Вероятно, ее дворец был деревянным или мазанковым, как большинство домов в Петербурге. Ее ближайшими соседями оказались князь Меншиков, канцлер Г.И. Головкин, вице-канцлер Остерман, барон Шафирова. Рядом находился первый гостинный двор, сгоревший в 1710 году.

Позже семейству вдовой царицы было выделено еще и загородное имение, названное в честь ее покойного супруга Ивановским. От него получила название и речка Ивановка, прежде называвшаяся Хабой (Наарајокі – Осиновка). Деревянный Ивановский дворец, по меркам петровского времени, был большим – на девять светлиц. Двухэтажное здание с одноэтажными боковыми частями, вытянутое вдоль бровки террасы, колонны подпирали балкон во всю ширину второго этажа. Дом стоял на обнесенной балюстрадой террасе, с обеих сторон которой возвышались восьмигранные двухъярусные беседки – люстгаузы. Рядом находились большой фруктовый сад и скотный двор. Русли реки запрудили и устроили мельницу.

Наталья Алексеевна поселилась тоже на берегу Невы, но в Литейной части по соседству с Кикиными палатами, где тогда находилась Кунсткамера (ее дворец стоял на месте, где теперь располагается Шпалерная улица). Каменный дворец, построенный к 1714 году, состоял из трех корпусов, главного – трехэтажного и двух боковых, двухэтажных, построенных в форме буквы «Г» и охватывавших широкий двор, где, очевидно, располагались служебные постройки: сараи, амбары, домики для слуг. При дворце находилась церковь, сначала домовая, а затем в отдельном здании, названная «церковью во имя Воскресения Христова, что за Литейным проспектом».

На участке Натальи Алексеевны по ее приказу было построено еще и отдельное здание богадельни. Это была первая богадельня в Петербурге и одновременно первый «воспитательный дом» – сюда приносили всех подкидышей, или «засорных детей», как их тогда называли.

Также царевне была пожалована мыза Хотчино (современная Гатчина).

Переехав в Петербург, Наталья Алексеевна быстро «взялась за старое» – устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики. Петер-

бургский театр тоже был любительским, пьесы для него писала сама царевна. Ее перу принадлежат «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драма «Действие о Петре Златые Ключи», которая рассказывала о пользе заграничных путешествий для молодых людей, желающих получить образование.

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго. Болезнь унесла ее в 1716 году. После смерти царевны более двухсот томов из ее личной библиотеки (очень значительное собрание по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, театральная же часть ее была отослана в Санкт-Петербургскую типографию.

Незадолго до этого умерла Марфа Матвеевна Апраксина-Романова, вторая жена царя Федора III Алексеевича, бывшая царицей всего 71 день, а царской вдовой – 33 года. Наталья Алексеевна и Марфа Матвеевна были погребены там же, в Петропавловском соборе.

Семейная жизнь Алексея

Согласно воле отца старший сын Петра Алексей Петрович должен был, по примеру наследников правящих европейских домов, сочетаться браком с иноземкой. В 1711 году его женой стала семнадцатилетняя принцесса герцогского Дома Брауншвейг-Вольфенбюттельского Шарлотта Кристина София. Земельные владения ее родителей были невелики, но принцесса была весьма родовита. Ее старшая сестра Елизавета была женой императора Австрии Карла VI. Младшая сестра Антуанетта стала герцогиней Брауншвейг-Вольфенбюттельской, выйдя замуж за двоюродного дядю Фридриха Альберта. Кроме того, она приходилась родственницей курфюрсту Ганноверскому – будущему королю Англии Георгу I. София-Шарлотта была светской и образованной девушкой, прекрасно владела французским и итальянским языками, знала латынь, играла на лютне и клавесине, отменно танцевала, рисовала и рифмовала стихи. Она не пришла в восторг от «московского сватовства», но покорно подчинилась воле отца и деда – герцога Брауншвейгского Антона Ульриха, желавших породниться с одним из могущественнейших государей того времени.

Свадьбу отпраздновали в саксонском городе Торгау, и поначалу молодоженам казалось, что им удастся полюбить друг друга. «Я нежно люблю царевича, моего супруга, – писала София Шарлотта своей матери. – Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла ее принести ему в жертву или этим доказать ему мое расположение, и хотя я имею всевозможные поводы опасаться, что он меня не любит – мне кажется, что мое расположение от этого еще увеличивается...»

Царевич Алексей Петрович

Но эта иллюзорная страсть быстро рассеялась, и династический брак, связавший двух малознакомых людей, выросших в различных условиях, начал разрушаться изнутри. Царевич уезжал из дома, пьянствовал, изменял жене. Вскоре принцесса уже признавалась: «Мое положение гораздо печальнее и ужаснее, чем может представить чье-либо воображение. Я замужем за человеком, который меня не любил и теперь любит еще менее, чем когда-либо...»

По разным поучениям отца Алексей почти два года провел за границей. Наступило время вернуться в Петербург. Петр первый радостно встречал свою первую невестку – ту самую иностранку, через которую он породнился с правящими домами Европы.

Посол Австрии Плейер писал своему императору: «Когда экипаж Шарлотты подъехал к Неве, к берегу подошла новая, красивая, обитая красным бархатом и золотыми галунами шлюпка. На шлюпке находились бояре, которые должны были приветствовать кронпринцессу

и перевезти ее на другой берег. На этом берегу стояли министры и другие бояре в одеждах из красного бархата, украшенных золотым шитьем. Неподалеку от них царица ожидала свою невестку. Когда Шарлотта приблизилась к ней, она хотела, согласно этикету, поцеловать у нее платье, но Екатерина не допустила ее до этого, сама обняла и поцеловала ее и потом проводила в приготовленный для нее дом. Там она повела Шарлотту в кабинет, украшенный коврами, китайскими изделиями и другими редкостями, где на небольшом столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это был подарок на новоселье, приготовленный царем и царицей для их невестки».

Шарлотта-Христина-София

Церемонию встречи принцессы в российской столице возглавляла Екатерина, так как царь в это время воевал в Финляндии, а Алексей надзирал за строительством кораблей на Ладого. С мужем Шарлотта увиделась только в середине лета. Алексей, боясь гнева отца, ста-

рался выказать жене всяческое почтение и даже заставил ее на короткое время поверить в то, что она любима.

«Царь меня осыпает ласками и милостями, – писала она матери из Петербурга. – Мне теперь не только правильно выплачивают четвертные деньги, но сначала я получала также всю нужную для меня провизию, а теперь мне назначено несколько имений для покрытия расходов по хозяйству. Эти имения отданы мне в полное распоряжение, и мне принадлежит даже судебная власть над ними. В них живет 600 душ, а скоро мне дадут еще 900, что составит вместе 1500. Впрочем, эти имения рассеяны по разным местам.

Царь во время своего пребывания здесь был очень ласков ко мне, он говорил со мной о самых серьезных делах и уверял меня тысячу раз в своем расположении ко мне. Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение. Царевич любит меня страстно, он выходит из себя, если у меня отсутствует что-либо, даже малозначащее, и я люблю его безмерно».

Однако вскоре неустроенная жизнь в Петербурге начинает надоедать ей.

«Я никогда не составляла себе слишком выгодного мнения о России и ее жителях, – писала она отцу, – но то, что я увидела, превзошло мои ожидания. Нужно жить среди русских, чтобы их хорошенько узнать. Для того чтобы приобрести их расположение, необходимо сделаться русским и по духу, и по нраву, и даже в таком случае это не всегда удастся, ибо если существует народ, так это именно наш. Они в высшей степени корыстны, и если одолжишь их чем-нибудь, то они полагают, что рассчитываешь на их благодарность, и тогда они начинают ненавидеть лицо, которое их облагодетельствовало. Доставив им какое-нибудь удовольствие, вы еще должны относиться к ним с той признательностью, которую могли бы от них ожидать, и благодарить их за то, что они приняли подарок, иначе они очень обидятся. Понятия их очень спутаны, самые ужасные кутежи распространены между ними, во время богослужения и молитвы они ведут себя чрезвычайно легкомысленно, нечистоплотность их доходит до крайних размеров, нет области в Германии, жители которой не были бы образованнее русских, то есть тех из них, которые ничего не видели, кроме своей родины. Одним словом, это очень непривлекательный народ».

Семейная жизнь тоже вернулась в прежнее русло: «Один Бог знает, как меня здесь огорчают, и вы усмотрели, как мало любви и внимания у него ко мне, – признавалась София Шарлотта. – Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что это трудно себе представить, и не передать словами, мне остается лишь одно – печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды...»

В 1714 году София Шарлотта писала матери: «Если б я не была беременна, то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня Своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...»

В том же году она родила дочь Наталью, а год спустя – сына Петра. Вторых родов принцесса не пережила. «Иноземку» похоронили в Петропавловском соборе. Плейнер писал в Вену: «Ее смерти много содействовали разнообразные огорчения, которым она постоянно подвергалась. Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались после долгих хлопот и так скудно, что она никогда не получала более 500 или 600 рублей за раз, так что она постоянно нуждалась и была не в состоянии платить своим придворным. Она и ее придворные задолжали у всех купцов. Она также заметила зависть со стороны царского двора по случаю рождения царевича и знала, что царица тайно старается ей вредить. От всего этого она находилась в постоянном огорчении».

Семейная жизнь Петра

Обустроив семейство в Петербурге, Петр занялся обустройством личной жизни. К тому времени Екатерина уже родила царю четырех сыновей и трех дочерей, но выжили только две девочки Анна и Елизавета. Желая узаконить их рождение и вознаградить Екатерину за ее верную любовь, Петр обвенчался с ней 19 февраля 1712 года в Петербурге, в церкви Исаакия Далматского.

Жили они, по всей видимости, в любви и согласии. Знаменитый историк Н.И. Костомаров в своей статье «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица» приводит целый список подарков и шуточных посланий, которыми обменивались царственные супруги.

«Когда государь находился за границую, Екатерина посылала ему пива, свежепросольных огурцов, а он посылал ей венгерского вина, изъявляя желание, чтоб она пила за здоровье, и извещая, что и он с теми, которые тогда находились при нем, будет пить за ее здоровье, а кто не станет пить, на того прикажет наложить штраф». В 1717 году Петр благодарил Екатерину за присланный презент и писал ей: «Так и я посылаю отсель к вам взаимно. Право, на обе стороны достойные презенты: ты прислала мне для вспоможения старости моей, а я посылаю для украшения молодости вашей». Вероятно, для вспоможения старости Екатерина послала тогда Петру вина, а он ей каких-нибудь нарядов. В следующем затем 1717 году Петр из Брюсселя прислал Екатерине кружева, а Екатерина отдала его вином. Находясь в этом же году на водах в Спа, Петр писал: «Сего момента Любрас привез от вас письмо, в котором взаимно сими днями поздравляете (то была годовщина Полтавской победы) и о том же тужите, что не вместе, также и презент две бутылки крепыша. А что пишете для того мало послала, что при водах мало пьем, и то правда, всего более пяти в день не пью, а крепыша по одной или по две, только не всегда, иное для того, что сие вино крепко, а иное для того, что его редко». Сама Екатерина, показывая заботливость о здоровье супруга, писала ему, что посылает «ему только две бутылки крепыша, а что больше того вина не послала, и то для того, что при употреблении вод, чаю, не возможно вам много кушать». Супруги посылали друг другу также ягоды и фрукты: Екатерина в июле 1719 года послала Петру, находившемуся тогда в морском походе против шведов, «клубники, померанцев, цитронов» вместе с бочонком сельдей, а Петр послал ей фруктов из «ревельского огорода». Как заботливая жена, Екатерина посылала супругу принадлежности одежды и белья. Однажды из-за границы он ей писал, что на устроенной пирушке он был одет в камзол, который она ему перед тем прислала, а другой раз из Франции он писал ей о положении присланного ему белья: «У нас хотя есть портомои, однакож вы послали рубашки». В числе презентов, посланных Екатерине, один раз были посланы Петром его остриженные волосы, а в 1719 году он послал ей из Ревеля цветов и мяту, которую, бывши прежде с Петром в Ревеле, она сама садила; а Екатерина отвечала ему: «Мне это не дорого, что сама садила; то мне приятно, что из твоих ручек».

Г.С. Муסיкийский. Семейный портрет Петра I. 1716–1717 гг.

В браке рождаются дети, но они не живут долго. Царевны Наталья Петровна и Маргарита Петровна не прожили и года. Затем родился долгожданный сын Петр Петрович (через 12 дней после того, как София Шарлотта родила Петра Алексеевича). С тех пор Екатерины спешит сообщить своему «старiku» (прозвище Петра I) новости о «Шишечке» (прозвище Петра-младшего).

«Доношу, – писала Екатерина в августе 1718 года, – что за помощью Божиею я с дорогою нашею Шишечкою и со всеми в добром здоровье. Онный дорогой наш Шишечка часто своего дрожайшего папа упоминает, и при помощи Божией в свое состояние происходит и непрестанно веселится мунштированием солдат и пушечного стрельбою».

А позже намекает: «в другом своем писании изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными, и я чаю, что ежели б сей старик был здесь, то б и другая Шишечка на будущий год поспела!»

Несмотря на то что младший брат Петра Петровича Павел умер, прожив всего один день, Петр считал, что продолжение его рода обеспечено, поэтому, когда вскрылся заговор царевича Алексея, царь, не колеблясь, казнил старшего сына. Но бедный Шишечка умер через три месяца после казни старшего брата, и ближайшим кандидатом в наследники стал Петр Алексеевич. В том же году родился последний ребенок Петра – царевна Наталья Петровна, но ее появление на свет не могло утешить отца.

15 ноября 1723 года Петр I опубликовал манифест, в котором оповещал всех своих подданных, что «по данному ему от Бога самовластию» намерен увенчать супругу императорской короной, так как она «во всех его трудах помощница была и во многих воинских действиях, отложив женскую немочь, волею с ним присутствовала и елико возможно помогала, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей армии, а от нее, несомненно, и всему государству». Церемония состоялась в Успенском соборе в Москве.

Однако в последние годы между супругами наступает некоторый разлад. Петр I никогда не отказывал себе в коротких интрижках на стороне. Но в 1724 году до него дошли слухи, что такую интрижку позволила себе Екатерина. «Героем ее романа» современники называли Вильяма Монса, камер-юнкера Екатерины, младшего брата Анны Монс, бывшей когда-то первой любовницей Петра. Монса казнили, обвинив в злоупотреблениях, голову казненного выставили публике напоказ на вершине столба.

По преданию, когда Екатерина просила Петра помиловать ее камер-юнкера тот, мучимый ревностью, разбил вдребезги дорогое зеркало и сказал: «Эта вещь составляла лучшее украшение моего дворца, а я вот захотел и уничтожил ее!» Екатерина отлично поняла намек и возразила: «Разве дворец ваш лучше стал от этого?»

Еще одна легенда гласит, что когда Петр вместе с Екатериной проехал в коляске мимо этого столба, чтобы посмотреть на ее реакцию, Екатерина лишь равнодушно уронила: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!»

Костомаров сомневается в том, что Екатерина действительно вступила в любовную связь с Монсом. Он пишет: «Едва ли возможно допустить, чтоб Екатерина своим коротким обращением с Монсом подала повод к такой ревности. Допустим даже, что Екатерина не питала к мужу столько любви, чтоб такая любовь могла удерживать в ней верность к супругу; но то несомненно, что Екатерина была очень благоразумна и должна была понимать, что от такого человека, каков был Петр, невозможно, как говорится, утаить шила в мешке и провести его так, чтоб он спокойно верил в любовь женщины, которая будет его обманывать. Наконец, и собственная безопасность должна была руководить поведением Екатерины: если б жена Петра позволила себе преступные шалости, то ей пришлось бы очень нездорово, когда бы такой супруг узнал об этом».

Но эта легенда, а, может быть, быть, вплотную подводит нас к новой теме: «Нравы придворных петровского времени и место женщины при императорском дворе».

Женщины при дворе

«Свет мой матушка, ласточка дорогая, из всего света любимейшая; винность свою приношу, для того что с вами дружны были; да прошу тем, о чем я просил. <...> Я прошу, пожалуйста, матушка, в том на меня не погневайся, писал и в том любовь вини, заставляя держать в сердце, а я прошу – пожалуйста, не держи гнева на меня...» – такие записки отправлял Вильям Монс своей возлюбленной (но не Екатерине, он был очень непостоянным молодым человеком и, по его собственным словам, вечно «спутан узами любви»).

Обращаясь к другой своей пассии, он допускал более игривый тон: «Сердечное мое сокровище и ангел, и купидон со стрелами, желаю веселого доброго вечера. Я хотел бы знать, почему не прислала мне последнего поцелуя? Если бы я знал, что ты неверна, проклял бы тот час, в котором познакомился с тобой. А если ты меня хочешь ненавидеть, то покину жизнь и предам горькой смерти... Остаюсь, мой ангел, верный твой слуга по гроб».

Такая свобода в обращении с благородными женщинами была немыслима в допетровское время. В московских домах жены и дочери бояр не показывались на глаза никому, кроме домашних; только желая оказать гостю высочайшую честь, хозяин мог позволить жене поднести гостю чарку и поцеловать его в щеку. Любые попытки женщины хотя бы поговорить с мужчиной без приказа ее мужа или отца могли непоправимо испортить ее репутацию.

«Состояние женщин, – пишет австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 годах, – самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живет дома взаперти и никуда не выходит; напротив, если она позволяет видеть себя чужим и посторонним людям, то ее поведение становится зловещим... Весьма редко позволяется им ходить в храм, а еще реже в дружеские беседы, разве уже в престарелых летах, когда они не могут навлекать на себя подозрения».

Еще строже «соблюдали дистанцию» русские царицы.

«Ни одна государыня в Европе не пользуется таким уважением подданных, как русская, – писал прибалтийский путешественник Рейтенфельс, побывавший в России во времена царя Алексея. – Русские не смеют не только говорить свободно о своей царице, но даже и смотреть ей прямо в лицо. Когда она едет по городу или за город, то экипаж всегда бывает закрыт, чтобы никто не видел ее. Оттого она ездит обыкновенно очень рано поутру или ввечеру. Царица ходит в церковь домовую, а в другие очень редко; общественных собраний совсем не посещает».

Но царь Петр реформировал не только экономику и политическое устройство России. Его новые установления касались мельчайших деталей быта, прежде всего быта лиц, приближенных ко двору. Отныне женщины не только могли, но и были обязаны разделять развлечения с мужчинами. И у кавалеров появилось больше возможностей, для того чтобы «подлизаться» – так в XVIII веке называли ухаживание за девушкой. Барышни, в свою очередь, быстро научились «махаться» – подавать веером знаки «галану», т. е. возлюбленному. Появился новый язык, описывающий эти новые, невиданные еще на Руси отношения. П.И. Мельников-Печерский в «Бабушкиных рассказях» писал: «Ах, как любил покойник об амурах козировать... (от франц. causer – болтать, судачить. – Е. П.) ах, как любил!.. Бывало, не токма у мужчин, у дам у каждой до единой переспросит – кто с кем „махается“, каким веером, как и куда престная нимфа свой веер держит».

Галантное ухаживание: литературные образцы

Рукописные повести ходили на Руси с XVII века, но под влиянием Петровских реформ в их содержании произошли существенные изменения. Так, весьма популярная повесть «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королеве Ираклии Флоренской земли» рассказывала о молодом российском дворянине, моряке, который, уехав в Голландию «для познания наук», с помощью своего острого разума и предприимчивости делает головокружительную карьеру, становится «королем Флоренским»...

История напоминает волшебную русскую сказку. Василий, сделавшийся по воле судьбы атаманом разбойников, спасает из плена прекрасную королевну Ираклию. Однако адмирал Флоренского государства, посланный на поиски Ираклии, обманом увозит королевну, Василия же приказывает утопить, однако благодарные российскому матросу за щедрость флоренские офицеры кладут Василия в лодку. Василий в лодке прибывает к маленькому острову, откуда старый рыболов переправляет его во Флоренское государство, где Василий нанимается рубить дрова и носить воду в богадельню у некоторой старухи. Адмирал же под угрозой смерти вынуждает Ираклию присягнуть, что она скажет отцу и матери, якобы он ее из Цесарии «боем взял».

Уже назначена свадьба, и на нее тайком пробирается Василий. Но если сказочный герой, чтобы сообщить невесте, что он рядом, обычно опускает в ее кубок с вином свой перстень, то... «российский матрос Василий, взяв арфу, начал жалобную играть и петь арию:

...Ах, дражайшая, всего света милейшая, как ты пребываешь,
А своего милейшего друга в свете жива зрети не чаешь.
Вспомяни, драгая, како возмог тебе
от мерзких разбойнических рук свободити,
А сей злой губитель повеле во глубину морскую меня утопити.
Ах, прекрасный цвет, из очей моих ныне угасаешь,
Меня единого в сей печали во гроб вселяешь,
Или ты прежнюю любовь забываешь,
А сему злому губителю супругою быть желаешь?
Точию сей мой пороль объявляю,
Иже сию арию вам объявляю,
И моей дражайшей воспеваю:
Аще и во отечестве своем у матери пребыти,
Прошу верная моя к вам услуги не забывати»...

Между 1703 и 1726 гг.

Услышав эту жалобную песню, королевна сразу же признает его и выходит за него замуж, а обманщика-адмирала с позором прогоняют.

Другой российский юноша, Александр, герой «Гистории о храбром российском кавалере Александре и о любительницах его Тире и Элеоноре», обращается к своим родителям с такой просьбой: «Милостивые мои родители! Желание мое нестерпимо мучит мя иностранных государств видением очеса мои насладить, и их политичных нравов себя обучить, и в том хочу у вас милости просить, чтоб изволили на то меня тем удоволствовать... покорнейше прошу учинить мя равно с подобными мне, ибо чрез удержание свое можете мне вечное понашение учинити. И како могу назваться и чем похваляю! Не токмо похвалитися, но и дворенином назваться не буду достоин. Сотворите со мною, не допустите чада вашего до вечного позору!»

Приехав в город Лилль, он влюбляется в прекрасную Элеонору. Но как сообщить ей о своей любви? Александр пишет письмо: «Дражайшая Елеонора, государыня моя! Коль велию печаль и беспокойство вчерашней ваш вопрос во мне умножил. И дивлюсь, как возмогла такое великое пламя горячности с высоты во утробу мою вложить, которое меня столко палить, что уже горячность моего сердца терпеть не может. Того ради покорно прошу: буди врач болезни моей, ибо никоим доктуром отъятой быти не может. Аще же с помощью не ускориш, страшуся, да не будеши мне убийца. Паки молю, не обленися, с помощью мне предстани. И ежели учинишь по прошению моему, то припишу корысть на сердце моем и верность моя пред вами до гроба не оскудеет, в которой и ныне пребываю. Склонейший слуга Александр».

Элеонора отвечает уклончиво. И раздосадованный Александр обращается к ней с любовной арией:

Дивну красоту твою, граде Лилле, я ныне зрю.
На что чиниш со мною прю?
Врата имаш позлащенны,
Внутри ты копие изошренны,
Стенами крепчайшими отвсюду окружен,
Тобою аз ныне уязвлен.
Здание предивно, имаш,
В руце держиш смертны палаш.
Коей похвалы ты имам днесь предати
Купидону стрелы метати.
Храбрость мою уничтожил,
Печали во мне умножил.
В себе драгоценный камень бролиант имаш,
Помощи мне в том не даш!
Ах, Елеонору деву полну ярости и гнева зрю!
Фортуна злейшая мною ныне владеет,
Что мне в помощ успеет?
Несщатие мое течет
И ко гробу убо влечет.
Презелныя несщастии на мя днесь востали,
Бывшу радость отгнали.
В погибель ужасну ведут
Вооруженны встречу идут.
Прииде, Марс, ныне с мечом
Раздели мя надвое,
Не томи мя zde более.
Или ты, Сатурн, не зриши
Долго жизнь не преломиши!

Между 1703 и 1726 гг.

Они встречаются в гостях у знакомого купца, и Александр учтивыми речами убеждает Элеонору в своей любви, уподобляя ее искусному врачу: «Тогда Александр обрадовался сердцем и не мог далее терпели, просил ее во особливую полату, и говорил сице: „Дивлюся вам, государыня моя, что медикаментов никаких не употребляеш, а внутренния болезни так искусно исцеляете, яко же собою вам засвидетелствую, что не надеюсь нигде такой дохтур есть, которы драгими медикаменты возмог такую неисцелимую болезнь так скоро исцелить, якоже

ты со мною во един момент часа учинила. Коей чести ты подобну удостою. И как могу за такое твое милосердие услужить. Ей, не дознаюсь! Разве повелишь мне корету свою вместо коней возити? Разве тем могу заслужить“.

Елеонора ж усмехнулася Александру шпынству и отвечала ему. „Не дивись, Александр, скорому исцелению, аще бо не имеши прямой надежды ко здравью приити. Разве будешь до третияго часа по полуночи беспокойствовати и по окончании того ко мне чрез заднее крыльцо приидеши. Обещаюся ти написать рецепт, чрез которой конечно можешь от болезни свободится, и паче прежняго здравия получиши“. Александр рече: „Правда, государыня, аще от болезни свободился, но еще не совершенно исцелился. Того ради напиши мне правило поступок, дабы в чем неведением не погрешил, понеже знаю, что от малаго прегрешения, но и вящшая болезнь приключится может. Аз же, раб ваш, токмо едину надежду и сам на вас полагаю. И вручаю здравие мое тебе. Хочеш помиловать – помилуй, а не хочеш миловать – погуби. Ибо противу власти красоты вашей никак ратоборствовать не могу“.

Она соглашается встретиться с ним наедине.

«И как Елеонора Александра узрела, бросилас к нему великою любовию, и целовала Александра, говорила сице: „Колми мучим бысть мой покой бедный, уединением, а днес обвселен приветствием твоим. И коими лучами келия моя днес осветилась! Кое сокровище в деснице моей имею. Токмо Александра любезнаго пред собою вижу“. И протчих ласкательств столько плодила, что Александру скучно было настоящего ожидать. Потом, побыв Александр с Елеонорою во многих разговорах четыре часа и отдав ей письмо с положенным колечком, паки возвратился на квартиру свою, цветущу от таковой радости, аки тюльпан. И уже Александри Елеонора, такую в любви крепостию оградилас, что, мню, ни чрез какия волшебства и хитрости никогда любовь их развратить было возможно... И тако Александр с Елеонорою три года, якобы в неволи любовию был обязан, и для Елеоноры всякия гуляния и веселия. И науки все презирал, и болше делал все волю ея, нежели свою, что ему навело немалую скуку».

Меж тем Александром заинтересовалась другая девица по имени Гедвиг-Доротея. Она первая пишет ему письмо: «„Любезнейший Александр! За невозможностию содержанием сердца моего сими малейшими строками вам сердечною любовь мою объявляю, которая меня с единого взору на красоту вашу в постелю положила. Знаю, что Елеонору ты верным сердцем любишь. Однако ж всеми добротами едина владеть не может, мню, чрез меру много, ибо Елеонора того не достойна. Того ради слезно прошу учинить мя столько щасливую, чтоб я хотя малой знак любви вашей имела. И аще мя в болезни посетити обленишися, то скоро пред дверми своея квартиры узриши мертву. Остаюсь ваша верная до смерти. Гедвиг-Доротея, генерала Дитриха Гейденпистола дочь“...»

Елеонора, увидев такое Гедвиг-Доротеи нахалство, сожалея сердцем своим, что Александру по граду дала волю ездить, понеже знала, что Гедвиг-Доротея красотою и фамилиею ея превосходила».

Александр пытается вести любовную интригу с двумя девицами, но вскоре его обман раскрывается, и обе девушки «реки слез испустив, и одежду на себе почали драть, и власы главы своея терзати».

Елеонора умирает от горя, Александр уезжает в Париж и начинает ухаживать за Тирой, дочерью королевского гофмаршала. Но Тира оказывается девицей с характером. Когда Александр просит ее в любовном письме: «Аще ж раба своего не умилоставишь, прошу первее и последнее со мной благодеяние сотворити: пришли и предай мя сама смерти, что мне в порадование будет», она приезжает к нему с мечом и наносит ему три раны. Однако, всласть помучив своего воздыхателя, она все же смягчается, но прежде берет с него обещание: «Ежели ты меня любиши хочещ для одного лакомства, и в том вам запрещаю. И прошу изволте без труда отстать. А ежели венец девства моего будешь осторожно хранить и сестрически со мною жити, дайте в том верную присягу». Они обмениваются клятвами, написанными кровью.

Дальше история превращается в настоящую сказку в духе преданий о рыцарях Круглого Стола или поэм Ариосто. Александр и переодетая в мужское платье Тира вместе бегут из города, на них нападают разбойники, но молодые люди их побеждают, и «каждой своею дорогою вслед разбойников скакали и немилостивно их в хребет поражали: овым главы, овым руки от тела отделяли». Увлечшись погоней, они теряют друг друга. Александр нарекает себя «ковалером Гнева», Тира – «ковалером Надежды». «И четыре месяца в великой печали в непроходимых лесах и болотах ездила и оттуду стала пронииматься, дабы о Александре проведать, где обретается». Наконец после ряда приключений они находят друг друга и вместе отправляются в Россию. Но в дороге их застигает буря, они попадают в плен к пиратам, и Тиру продают в Китай. Судьба Александра не менее ужасна. Он попадает во Флориду. «И Флоридской стороны люди обыкновенныя человекоядцы, купя Александра, стали кормить яко скотину на заколение, понеже оныя обычей имеют сицевой: ежели иностраннаго купят или поимают, накормя его и утуча, на празнество убивают и снедают».

Но Александру, разумеется, удастся бежать от каннибалов, добраться до Китая и соединиться со своей любезной Тирой. Они возвращаются в Европу и встречают там еще одного русского – Владимира. Здесь повесть снова меняет жанр на авантюрную комедию, и Владимир со смаком рассказывает о своих любовных приключениях в Европе, столь же уморительных, сколь и непристойных. В конце концов автор, которому явно надоели бесконечные приключения его персонажей, просто топит их в море.

Мы видим, что в этих повестях галантные подвиги героев происходят за границей, они покоряют сердца иностранок. Очевидно, это было сделано для того, чтобы не шокировать русского читателя. Однако в Петербурге уже начали перенимать европейские нравы, и галантная любовь входила в моду.

Ассамблеи

Знатные люди могли встречаться на пирах (в молодом городе справляли много свадеб и крестин, и Петр I с удовольствием принимал в них участие). Их присутствие также было обязательно на всякого рода торжественных выходах: спусках на воду кораблей, празднованиях военных побед и т. д. Кроме того, для развлечения устраивались многочисленные гуляния, катания на лодках, в экипажах и в санях, а также фейерверки.

Но был еще особый, невиданный раньше род развлечений, который Петр I ввел в своем городе. Он назывался «ассамблеи».

С. Хлебовский. Ассамблея при Петре I. 1858 г.

«Ассамблея – слово французское, – писал Петр в своем указе – которое на русском языке одним словом выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела; ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается; притом же и забава. А каким образом оныя ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет:

- 1) В котором доме имеет ассамблея быть, то надлежит письмом или иным знаком объявлять людям, куда вольно всякому придти как мужскому, так и женскому.
- 2) Ранее пяти или четырех не начинается, а далее десяти пополудни не продолжается.
- 3) Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни подчивать и не точию выше писанное неповинен чинить, но хотя и дома не случится оно, нет ничего; но токмо повинен несколько покоев очистить, столы, свечи, питье, употребляемое в жажду, кто просит, игры, на столах употребляемые.
- 4) Часы не определяются, в котором быть, но кто в котором хочет, лишь бы не ранее и не позже положенного времени; также тут быть, сколько кто хочет и отъезжать волен, когда хочет.
- 5) Во время бытия в ассамблее вольно сидеть, ходить, играть и в том никто другому перешкодить или унимать; также церемонии делать вставаньем и прочим отнюдь да не дерзает под штрафом Великого орла, но только при приезде и отъезде поклоном почтить должно.

6) Определяется, каким чинам на оныя ассамблеи ходить, а именно: с высших чинов до обер-офицеров и дворян, также знатным купцам и начальным мастеровым людям, тоже знатным приказным; тож, разумеется, и о женском поле, их жен и дочерей.

7) Лакеям или служителям в те апартаменты не входить, но быть в сенях или где хозяин определит, также в Австении (ресторане. – *Е. П.*), когда и в прочих местах будут балы или банкеты, не вольно вышеописанным служителям в те апартаменты входить, кроме вышеозначенных мест».

Дворцы Петра были слишком малы и предназначались для частной жизни, поэтому свои ассамблеи император проводил в Летнем саду, где на случай непогоды были построены деревянные галереи (они восстановлены во время реставрации Летнего сада в 2009–2012 гг.).

Описание одной из таких ассамблей оставил нам камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц, прибывший в Петербург вместе с герцогом Голштинским – женихом, а впоследствии мужем царевны Анны Петровны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.